

авторъ оживляетъ изложеніе личными характеристиками о нихъ—краткими, но въ сильныхъ и выпуклыхъ выраженіяхъ.—Рѣчь его свободно льется, непринужденно захватывая, по пути разсужденій о главномъ предметѣ, относящіеся къ нему второстепенные и побочные вопросы. Въ общемъ, во внѣшней литературной сторонѣ отчетливо наблюдается навыкъ излагать мысли, дѣлать сообщенія — для широкой публики.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы указываемая теперь сторона была безъ изъяновъ. Они имѣются и порою даютъ себя знать даже при бѣгломъ чтеніи.

Напр., помянутыя выше характеристики, въ ихъ сильныхъ выраженіяхъ и обычно положительнаго значенія, большею частью отдають преувеличенностью, и сверхъ того въ общемъ монотонны. Особенно это надо сказать о такихъ примѣрахъ: „отсутствіе у епископовъ (2-й половины II-го вѣка) сознательной монополіи церковнаго представительства“ — „блестяще доказываетъ фактъ присутствія на Гераспольскомъ соборѣ группы исповѣдниковъ“ (стр. 129); „соборы Антиохійской церкви по дѣлу Павла Самосатскаго - „блестящій примѣръ суда“ старшаго епископа младшими“ (стр. 332); „участіе Оригена“ (на соборѣ противъ Берилла)—„блестящее исключеніе“ изъ правила (стр. 341); Кипріанъ „блестяще образованный“ (стр. 367); „письма Кипріана... свидѣтельство его блестящаго административнаго таланта“ (стр. 382); серія карфагенскихъ соборовъ—„одна изъ наиболѣе блестящихъ главъ церковно-соборной исторіи“ (стр. 600 и 648).—Подобной аттестаціи, добавимъ, не миновала даже дѣятельность апостоловъ, по адресу которой читается, что Апост. соборъ - „блестяще выполнилъ свою задачу“ (стр. 79) и что тотъ же соборъ былъ „блестящимъ началомъ“ въ исторіи церковныхъ соборовъ“ (стр. 97).—Съ другой стороны—не представляетъ исключительности, при такой особенноти характеристикъ, и то, что примѣненіе ихъ по одному и тому же адресу не всегда отличается послѣдовательностью. Напр. Mansi аттестуется—то какъ „небезызвѣстный католическій историкъ соборовъ“ (стр. 323), то—„извѣстный коллекціонеръ соборныхъ памятниковъ“ (стр. 604), то „находчивый коллекціонеръ соборныхъ фрагментовъ“ (стр. 523), то, наконецъ, „малокритическій“ (коллекціонеръ-же) (стр. 91),—а Sohmn на стр. 469—

„знаменитый правовѣдь“, на стр. XX (введенія) „виднѣйшій и талантливѣйшій современный канонистъ“, а на стр. 106—просто „видный... западный канонистъ“.

Въ изложеніи такого сочиненія, какъ разсматриваемое, которое представляетъ собственно рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ очерковъ, случаи, когда авторъ, что называется,—„повторяется“,—дѣло возможное.—Однако, отъ такого внѣшняго недостатка книга А. И. Покровскаго свободна, и наблюдаемые примѣры того, хотя и характерны,—исключительны.

Взамѣнъ того, съ занимающей насъ стороны сочиненію присущъ другой недостатокъ,—именно—при свободномъ, непринужденномъ изложеніи авторъ замѣтно вовлекается въ то, что мы назвали бы „многорѣчіе“. Имъ въ нѣкоторой мѣрѣ обусловливается особенная обширность книги. Благодаря ему, замѣтимъ, и бывають случаи, когда авторъ обращается, напр., къ аргументаціямъ, которыя,—самое меньшее,—праздны. Такъ, напр., по поводу Римскаго собора 251 г. говорится: „Римскій соборъ былъ, во всякомъ случаѣ, послѣ Карфагенскаго, такъ какъ иначе немыслимо было бы говорить о признаніи и одобреніи того (сего собора,—со стороны Киприана), что еще не существовало“ (стр. 511); или: ...„ясно..., что ко времени написанія Киприаномъ письма къ Антоніану успѣлъ уже закончиться и Римскій соборъ, безъ чего, конечно, была бы невозможна и самая ссылка на него“ (ibid); или: „по составу членовъ, соборъ (противъ Берилла Бострійскаго) не могъ быть только частнымъ собраніемъ одной мѣстной Бострійской церкви, потому что тогда не могли бы на немъ присутствовать „весьма многіе епископы“, ибо въ каждой частной церкви существовалъ только одинъ мѣстный епископъ“ (стр. 334).

Всѣмъ сказаннымъ книга А. И. Покровскаго предполагается, какъ вообще учено—литературное произведение. Перейдемъ затѣмъ къ рѣчи о ней по существу ея задачи. Оно опредѣляется пояснительными словами заглавія—„историко-каноническое изслѣдованіе“. Соответственно этому, книга и представлена въ Совѣтъ Академіи для соисканія степени доктора каноническаго права.—Замѣтимъ попутно: академическій уставъ знаетъ ученую степень собственно доктора церковнаго, а не каноническаго права.—Въ виду такой ея цѣли, а равнымъ образомъ и приводимымъ обозначеніемъ общаго

характера ея содержанія, первымъ дѣломъ возникаетъ вопросъ,—насколько сочиненіе А. И. Покровскаго есть изслѣдованіе именно „историко-каноническое“?

Для отвѣта обратимся сначала къ тѣмъ страницамъ, которыя заполнены „введеніемъ“ къ изслѣдованію. Собственно это не „введеніе“, а то, что принято называть „предисловіемъ“. Какъ таковое, оно, давая матеріаль для отвѣта на поставленный вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освѣдомляетъ читателя—о мотивахъ, которые подвигнули автора къ настоящему изслѣдованію, о внѣшнихъ обстоятельствахъ, сопутствовавшихъ ему въ предпріятіи труда съ намѣченной задачей, о планѣ и методѣ изслѣдованія и, наконецъ, о мѣстѣ, которое ему должно быть отведено въ учено-литературной разработкѣ затронутого теперь предмета. Извлекая изъ него отвѣтъ на нашъ вопросъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ и нѣкоторыя перечисленныя теперь частности въ его содержаніи.

Мотивовъ для осуществленія настоящаго труда у автора было два: одинъ — теоретическій и идейный, — другой—практической и жизненный. Первый заключается въ принципіальномъ значеніи устройства церкви въ первоначальный періодъ ея исторіи для того же самаго въ послѣдующее время. Для обоснованія этого мотива авторъ дѣлаетъ ссылку на слова Sohм—а (стр. XVI). Кажется для каждаго канониста или церковнаго историка,—такое принципіальное значеніе ясно и само по себѣ.

Второй, жизненно-практической мотивъ — тотъ интересъ къ соборной формѣ церковнаго управленія, который весьма приковалъ къ себѣ вниманіе нашего общества, въ виду проектированной въ 1905 году реорганизациі административнаго устройства Русской церкви (стр. XVII). При рѣчи объ этомъ мотивѣ авторъ невольно касается и такъ называемаго Предсоборнаго Присутствія 1906 года и результатовъ его дѣятельности—журналовъ и протоколовъ. По поводу проявленнаго здѣсь вниманія къ указываемому Присутствію нужно сказать: 1) А. И. Покровскій называетъ это Присутствіе—„первое“ (стр. XVII). Насколько извѣстно — оно пока единственное, и другого присутствія не было. Если авторъ разумѣетъ подъ вторымъ присутствіемъ, кажется, и теперь еще работающее по поводу предполагаемаго собора совѣщаніе, то это—не „Высочайше учрежденное Присутствіе“, а скорѣе

вѣдомственное совѣщаніе, безъ формальнаго значенія. 2) Членовъ того же Предсоборнаго Присутствія было во всякомъ случаѣ не около 100, а только около 70—ти. 3) По автору дефектъ работъ того же Присутствія—въ полной „разрозненности“, „несогласованности“ и „даже противорѣчивости“ взглядовъ, высказываемыхъ на немъ равноавторитетными специалистами по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, и между прочимъ—взглядовъ и на церковные соборы первыхъ трехъ вѣковъ. Мы нѣсколько не понимаемъ такого упрека; какъ будто только то и бездефектно, когда всѣ мыслятъ объ извѣстномъ научномъ предметѣ—одно и то же. А кромѣ того, авторъ напрасно умалчиваетъ, что въ данномъ случаѣ „разрозненность“ мнѣній проявилась не по адресу соборовъ первыхъ трехъ вѣковъ самихъ въ себѣ, во всестороннемъ историческомъ ихъ проявленіи, а исключительно по специальному вопросу, связанному съ представленіемъ о нихъ,—это по вопросу—объ ихъ составѣ и взаимоотношеніи присутствовавшихъ на нихъ — епископовъ, клира и мірянъ. Разногласіе въ этомъ направленіи далеко не отъ предполагаемой авторомъ неосвѣдомленности участниковъ Предсоборнаго Присутствія о тѣхъ же соборахъ, и мы увѣрены,—не устранится и съ появленіемъ разсматриваемаго теперь изслѣдованія.

При выполненіи своей книги, по заявленію автора, имъ „къ освѣщенію дѣла привлечено, насколько это оказалось... возможнымъ, все то, чѣмъ располагаетъ современная западно-европейская наука“ и въ частности—„не одна сотня работъ почтенныхъ тружениковъ науки“ (стр. XX). Помянутый „литературный перечень“ дѣйствительно долженъ подтверждать это, и даже болѣе того, такъ какъ въ немъ исчислены и привлеченные къ дѣлу соотвѣтствующіе труды отечественныхъ ученыхъ. Въ результатъ такого привлеченія явилось теперь изслѣдованіе, о положительномъ значеніи котораго,—что уже отмѣчено,—свидѣтельствуется, по словамъ автора, „хотя бы только тотъ чисто внѣшній признакъ, что оно по своему объему превышаетъ ровно въ двѣнадцать разъ соотвѣтствующій отдѣлъ у *Hefele*“... (стр. XX). Довольно трудно таки согласиться, что подобная ссылка можетъ почитаться имѣющею силу... Послѣдующая наша рѣчь, быть можетъ, и фактически убѣдитъ въ правдивости этихъ нашихъ словъ.

Въ отношеніи метода А. И. Покровскій держался такого приѣма: сначала всестороннее изученіе и освѣщеніе для каждаго отдѣльнаго собора (или однородной ихъ группы) всѣхъ имѣющихся источниковъ; затѣмъ—сведеніе добытаго матеріала по опредѣленнымъ рубрикамъ, и наконецъ—„ознакомленіе—или съ послѣдующими историческими отголосками соборовъ, или съ тѣмъ вліяніемъ, какое они оказывали на общую эволюцію церковно-административнаго строя“.— Въ цѣломъ, при примѣненіи такого метода, все содержаніе изслѣдованія располагается—де по предметно-хронологическому порядку (стр. XIX).—Послѣднее не отвѣчаетъ дѣйствительности. Расположеніе всего матеріала въ изслѣдованіи—только хронологическое. Предметная сторона если и примѣнена, то лишь постольку, насколько она предопредѣляется стороною хронологическою.—Отмѣтивъ, что исторія соборовъ имѣетъ двѣ стороны: одну, которую условно можно назвать внутренней или предметной и которая касается поводовъ и самаго существа соборныхъ преній и рѣшеній, и другую—внѣшнюю или формальную, которая относится къ организаціи собора и его фактическаго процесса,—авторъ относительно конечной цѣли изслѣдованія каждаго собора или однородной группы ихъ говоритъ: „центръ тяжести нашего изслѣдованія падаетъ на вторую—формально каноническую сторону исторіи соборовъ“ (стр. XVIII).

Итакъ авторъ изслѣдуетъ собственно каноническую сторону исторіи соборовъ и потому, слѣдовательно, его изслѣдованіе должно пониматься историко-каноническимъ.

При рѣчи о мотивахъ къ своему труду А. И. Покровскій, между прочимъ,—указываетъ и „недостаточность (у насъ) научной разработки начальной исторіи соборовъ“ (стр. XVIII). А затѣмъ, освѣдомляя читателя о методѣ своего изслѣдованія, онъ предварительно говоритъ вообще—„тема книги—церковные соборы, рассматриваемые въ плоскости ихъ исторіи“. Даже только эти двѣ справки прозрачно предуказываютъ, что въ дѣйствительности задача автора изслѣдовать вообще исторію соборовъ намѣченной имъ эпохи.—Если, да, да, мы обратимъ вниманіе на методъ и планъ его изслѣдованія, —какъ то и другое предназначается во введеніи и какъ то дѣйствительно осуществлено, то тѣмъ болѣе становится явственнымъ, что въ книгѣ примѣнены приѣмы, от-

вѣчающіе собственно церковно-историческому изслѣдованію, но не изслѣдованію именно каноническаго характера. Послѣднее, относясь къ собору ли, или соборамъ (разъ предполагается проявленіе собора въ различныхъ формахъ), должно имѣть объектомъ своего обозрѣнія,—по точномъ опредѣленіи существа собора вообще,—такіе предметы сами въ себѣ и при такой конструкціи всего изслѣдованія: а) условія и способъ составленія соборовъ (куда относится и вопросъ объ инициативѣ составленія собора); б) формы соборовъ со стороны объема представительства на нихъ, или, точнѣе, со стороны предѣловъ этого представительства, въ связи съ вопросами о времени и мѣстѣ составленія собора; в) составъ соборовъ со стороны составныхъ элементовъ церковнаго общества и взаимоотношеніе этихъ элементовъ; г) характеръ вопросовъ или предметовъ для обсужденія на соборѣ, т. е. предѣлъ компетенціи собора и отношеніе этой его стороны къ его составу; д) порядокъ дѣйствій соборовъ при разсмотрѣніи вопросовъ и постановленіе рѣшенія и е) порядокъ обнародованія и приведенія въ силу состоявшихся постановленій.—Таково должно быть въ своемъ существѣ формальное содержаніе и конструкція именно каноническаго изслѣдованія о соборахъ. Разъ же оно имѣетъ быть не просто каноническимъ, а историко-каноническимъ, то, слѣдовательно, оно предназначается для систематическаго разсмотрѣнія всѣхъ указанныхъ теперь сторонъ собора въ историческомъ процессѣ ихъ примѣненія въ намѣченное время и для систематическаго же освѣщенія бывшихъ на пути этого примѣненія мѣропріятій въ отношеніи той или другой изъ тѣхъ же сторонъ.—Если же, добавимъ, такое историко-каноническое изслѣдованіе имѣетъ въ виду соборы начальной стадіи, то оно, сверхъ указаннаго, не можетъ оставить безъ уясненія и вопросъ о формальномъ установленіи соборовъ или, если происхожденіе его признается получившимъ мѣсто въ обычаяхъ, то и вопросъ—объ основаніяхъ такого обычая и о моментѣ и условіяхъ усвоенія ему формальнаго значенія.

Изслѣдованіе А. И. Покровскаго, при намѣченныхъ во введеніи методѣ и планѣ,—повторяемъ,—ни въ какомъ случаѣ не предполагается имѣющимъ отвѣчать указанной теперь конструкціи каноническаго изслѣдованія.—При нихъ можетъ быть только церковно-историческое изслѣдованіе,—

изслѣдованіе, въ которомъ, въ отношеніи объекта изслѣдованія, на первомъ мѣстѣ—фактъ, а не норма, и въ которомъ, какъ касающемся соборовъ, все вниманіе должно сосредоточиваться на фактической ихъ исторіи, но не на систематическомъ обзорѣни каноническихъ началъ и сторонъ, связанныхъ съ представленіемъ собора, какъ формальнаго церковно-административнаго института, въ практикѣ его въ первые три вѣка христіанства. Въ такомъ изслѣдованіи если и можетъ затрогиваться каноническій элементъ, то обсуждаемый только ad hoc при рѣчи о каждомъ соборѣ, поскольку и какъ онъ нашель для себя выраженіе въ исторіи даннаго собора.—Отсюда, вмѣсто научно-систематическаго его обзорѣни, рѣчь о немъ, въ тѣхъ или другихъ его частностяхъ, въ подобномъ изслѣдованіи должна повторяться при обзорѣни каждаго собора. Такое изслѣдованіе можетъ только дать матеріаль для каноническаго изслѣдованія, но никогда не можетъ стать имъ самимъ. Мы не отрицаемъ, что и въ каноническомъ изслѣдованіи о соборахъ фактической, чисто исторической элементъ никогда не можетъ быть исключаемъ. Но онъ можетъ имѣть въ немъ значеніе только субсидіорнаго или иллюстрирующаго элемента—и не болѣе того,—и фактическая исторія соборовъ, въ ихъ поводахъ къ созванію, мѣстѣ и времени дѣйствій, въ ихъ историческомъ вліяніи на составленіе послѣдующихъ соборовъ, въ существѣ затрогивавшихся на нихъ вопросовъ,—въ каноническомъ изслѣдованіи о нихъ можетъ имѣть мѣсто только какъ введеніе, а не выступать на первомъ планѣ во всемъ содержаніи изслѣдованія.

Съ только что сказаннымъ касательно изслѣдованія А. И. Покровскаго, въ виду его метода и плана, вполне гармонируетъ то, что очерчивая детально тотъ же планъ, авторъ не счель своею обязанностью опредѣлить въ точности даже тѣ рубрики каноническаго назначенія, по коимъ онъ имѣеть располагать весь добытый изъ источниковъ матеріаль, а бѣгло въ () отмѣчаетъ—„напр. составъ, объемъ, характеръ собора и т. д.“ Гармонируетъ съ тѣмъ же, равнымъ образомъ, и то, что изслѣдуя будто бы каноническую сторону соборной исторіи, авторъ ни въ одномъ случаѣ не коснулся общихъ воззрѣній на соборъ, какъ на формальный институтъ, которыя можно бы извлечь изъ произведеній письменности намѣченной имъ эпохи.

Въ заключеніе, впрочемъ, А. И. Покровскій и самъ въ извѣстной мѣрѣ, хотя и съ другой стороны, направляется къ признанію устанавливаемаго нами взгляда на существо его работы, когда говоритъ: „Но намъ приходилось все-же не мало вниманія удѣлять и внутренно-предметной (догматической или чаще дисциплинарной) сторонѣ соборной исторіи, поскольку знакомство съ ней оказывалось необходимымъ, въ интересахъ болѣе широкаго и правдиваго воспроизведенія всего цѣлаго и, въ частности, для освѣщенія той же организаціонной стороны соборовъ. И мы съ тѣмъ большею готовностью и даже охотой становились на такой путь, что вопросы о сущности монтанизма и о пасхальныхъ, покаянныхъ и крещальныхъ спорахъ древнѣйшей церкви, съ которыми связано большинство нашихъ соборовъ, крайне важны и интересны сами по себѣ, а между тѣмъ освѣщеніе ихъ въ русской литературѣ еще далеко нельзя признать исчерпывающимъ и полнымъ“ (стр. XVIII—XIX).—Разъ по его же заявленію теперь при изслѣдованіи имъ о какомъ либо соборѣ имѣется въ виду и „широкое... воспроизведеніе всего цѣлаго“,—то этимъ самымъ вполне поддерживается и наше мнѣніе.—По цитуемому замѣчанію получается даже и нѣчто болѣе. По нему, разъ считается возможнымъ включить въ изслѣдованіе даже вопросы о сущности монтанизма или о перечисленныхъ спорахъ въ древней церкви, оно, будучи церковно-историческимъ, уже выходитъ за предѣлы именно соборной исторіи и можетъ трактоваться даже вообще исторіею древней церкви (въ первые три вѣка), поскольку она связана съ соборами, бывшими въ то время. Мы не можемъ въ виду этого не замѣтить, что при такомъ свободномъ отношеніи къ границамъ своего изслѣдованія автору нечего и было съ удареніемъ указывать на превосходство объема своего изслѣдованія сравнительно съ количествомъ страницъ, посвященныхъ тому же предмету Hefele. При воззрѣніяхъ автора, этотъ объемъ можно бы свободно распространить неизмѣримо дальше... Съ другой стороны, исходя изъ того же заявленія, мы не безъ основанія можемъ ожидать, что устанавливаемое теперь нами воззрѣніе на общій характеръ книги А. И. Покровскаго найдетъ для себя оправданіе въ самомъ изслѣдованіи. Насколько это такъ, за выясненіемъ того обратимся къ обзорѣнню содержанія изслѣдованія.

Ц.

Все содержаніе изслѣдовація А. И. Покровскаго распадается на 7 (по его обозначенію) главъ, съ такими надписаніями и въ такомъ порядкѣ: I. „Апостольскій соборъ въ Иерусалимѣ (между 50—52 г.)“; II. „Соборы по борьбѣ церкви съ монтеизмомъ (2-й половины II-го вѣка)“; III. „Соборы по поводу споровъ о Пасхѣ (конца II вѣка)“; IV. „Малоизвѣстные соборы первой половины III вѣка“; V. „Соборы по поводу спора о „падшихъ“ и расколовъ Новата, Фелициссима и Новаціана (эпохи св. Кипріяна карфагенскаго)“ въ центрѣ III вѣка); VI. „Соборы по поводу спора о „крещеніи еретиковъ“ (тамъ же); и VII. „Антиохійскіе соборы по дѣлу мѣстнаго еп. Павла (самосатскаго) съ 264—269 г.г.“

Каждая изъ такихъ главъ распадается еще иногда на значительное число отдѣловъ, не обозначенныхъ никакимъ терминомъ.—Эти отдѣлы, однако, въ каждой главѣ представляютъ органически связанныя части одного цѣлаго, которыя съ естественною логикою восполняютъ другъ друга и въ общей ихъ совокупности законченно освѣщаютъ цѣлое. Между тѣмъ каждый изъ трактатовъ, понимаемыхъ авторомъ „главами“, представляетъ самостоятельное цѣлое, отдѣльное изслѣдованіе, наличностью котораго достигается внѣшняя полнота книги; отсутствіе такой главы въ общемъ не влекло бы за собою нарушеніе логическаго цѣлаго, а только порождало бы пробѣлъ съ чисто исторической стороны. Принимая это во вниманіе, мы и считаемъ правильнымъ понимать каждую изъ авторскихъ главъ „очеркомъ“—отдѣльнымъ и самостоятельнымъ. Отъ такого пониманія ихъ не прочь и самъ авторъ, считая свои главы равнозначущими „монографіямъ“ (см. стр. XX). Примѣнительно къ указываемому, мы и находимъ правильнымъ въ дальнѣйшемъ пользоваться для обозначенія авторской главы терминомъ—„очеркъ“ (или трактатъ), а для обозначенія каждаго изъ отдѣловъ очерка терминомъ—„глава“.

Разъ „главы“ А. И. Покровскаго—отдѣльныя монографіи, только самостоятельные очерки объ однородныхъ предметахъ, но не о различныхъ сторонахъ одного и того же предмета, то отсюда въ отношеніи вообще содержанія настоящаго изслѣдованія открывается немаловажная потребность. Мы

разумѣемъ необходимость сопроводить всѣ эти очерки особымъ заключеніемъ, которое объединило бы ихъ въ одно органическое цѣлое и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно представило бы и обобщило бы всѣ выводы и всѣ основныя положенія и вообще результаты изслѣдованія нашего автора. Необходимость такого заключительнаго обобщенія тѣмъ болѣе осязательна, что авторъ ставитъ спеціальную задачу—изслѣдовать только каноническую сторону и слѣдовательно въ его сочиненіи должна осуществляться извѣстная идея, хотя бы идея—выяснить мѣру и характеръ примѣненія въ исторіи разсматриваемыхъ соборовъ каноническихъ началъ по организаціонной сторонѣ собора вообще.—Въ книгѣ А. И. Покровскаго не имѣется даже ни малѣйшаго намека на такое заключеніе,—повторяемъ—насуточно необходимое по всестороннимъ условіямъ. Правда, ея послѣднія строки, въ объемѣ одной страницы (719—720), повидимому, направляются къ удовлетворенію такой необходимости; но въ сущности дѣла онѣ только выраженіе субъективнаго настроенія автора, его личныхъ чувствъ по поводу окончанія труда и относительно значенія соборовъ въ жизни древней церкви,—и болѣе ничего. Примѣнительно къ этому мы не будемъ неправы, если скажемъ, что разсматриваемая книга должна бы быть обозначена не „изслѣдованіе“—, чѣмъ въ нѣкоторой мѣрѣ указывается на ея внутреннюю цѣльность, а только „очерки“.

Остановливаясь на изложенномъ перечнѣ очерковъ, мы имѣемъ основаніе сказать: достаточно даже бѣгло вниманія къ нему, дабы видѣть, что по кр. мѣрѣ общая постановка занимающаго насъ изслѣдованія во всякомъ случаѣ не историко-каноническаго свойства. Этотъ всецѣло хронологическій распорядокъ, при указанныхъ его особенностяхъ, можетъ быть приложимъ только въ изслѣдованіи церковно-историческаго характера. Детали того же перечня, т. е. и обозначеніе тѣхъ главъ, которыя обнимаются тѣмъ или другимъ очеркомъ, не оставляютъ сомнѣнія въ правильности такого заключенія.

На этотъ разъ, въ первомъ очеркѣ, посвященномъ Апост. собору, сверхъ главъ—„Историческая роль и современное значеніе собора“ (I), „Характеръ Апост. собора и его составъ“ (IV) и „Роль на соборѣ пресвитеровъ и мірянъ“ (V), мы видимъ главы: „Источники собора и его хронологія“ (II),

„Поводъ собора и его предметъ“ (III) и „Апостольскій декретъ“ (VI). Если первая главы могутъ трактоваться, какъ соприкасающіяся съ сферою церковнаго права, то вторыя, по общему заявленію самого же автора, какъ относящіяся къ внутренно-предметной сторонѣ собора, не могутъ трактоваться какъ главы, предполагаемая не только центромъ тяжести въ предпріятомъ теперь изслѣдованіи, но даже и вообще (по кр. мѣрѣ какъ и особыя трактаты (ср. стр. XVІІІ)). А между тѣмъ такихъ главъ ровно половина.

Равнымъ образомъ, то же самое наблюдается и по обозначенію главъ и второго очерка—о соборахъ противъ монтанизма. Въ немъ послѣ первыхъ двухъ главъ, въ коихъ обзрѣваются именно противомонтанистическіе соборы, далѣе мы встрѣчаемъ двѣ же главы—„Сущность монтанизма и необходимость напряженной церковно-соборной борьбы съ нимъ“ (гл. III) и „Хронологія ранняго монтанизма и соборовъ противъ него“ (гл. IV), т. е. главы всецѣло церковно-историческаго содержанія.

Параллель тому же самому, далѣе, представляютъ и главы III-го очерка—О соборахъ по поводу споровъ о пасхѣ,—въ которомъ только двѣ послѣднія главы предназначаются спеціально для рѣчи о соборахъ, а первая двѣ—„Сущность пасхальныхъ споровъ“ и „Очеркъ развитія пасхальныхъ споровъ II-го вѣка“—опять таки главы вообще церковно-историческаго назначенія.

Въ очеркѣ четвертомъ—О малоизвѣстныхъ соборахъ первой половины III в.—всѣ главы (I-V) посвящены обзорнѣю соборовъ. Но уже самое представленіе объ этихъ соборахъ, какъ малоизвѣстныхъ, невольно заставляеть предполагать, что далѣе и самое обзорнѣе такихъ соборовъ развѣ только въ отдѣльныхъ пунктахъ можетъ соприкасаться съ каноническою сферою.

Очеркъ пятый („О соборахъ по поводу спора о падшихъ“ и пр.), раздѣленъ на 10 главъ (сверхъ особаго введенія къ нимъ — „Общая характеристика соборовъ Кипріановской эпохи“); большее число изъ нихъ (именно въ количествѣ 7) также посвящается обзорнѣю соборовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь имѣются и три главы—„Вопросъ „о падшихъ“ (lapsi) въ Карфагенской церкви при Кипріанѣ“ (I) „Карфагено-римская схизма Новата, Фелициссима и Новаціана“ (II) и „Со-

мнительность существованія Карфагенскаго собора 253 г. (IX), т. е. главы, которыя нисколько не отвѣчаютъ должной быть внутренней природѣ именно каноническаго изслѣдованія.

Не безъ отмѣчаемаго теперь церковно-историческаго наслоенія и перечень главъ очерка шестого. Въ немъ изъ 6-ти главъ имѣются и такія—„Характеристика „крещальныхъ споровъ“ кипріановской эпохи“ (I) „Хронологія собора (VII-го) и его объемъ“; „Составъ собора, самый его процессъ и его эпилогъ“ (V—VI), т. е. главы—или въ цѣломъ (I-я) или въ ихъ части (V и VI-я) опять таки церковно-историческаго значенія.

То же самое, наконецъ, нужно сказать и относительно главъ VII-го очерка (въ числѣ четырехъ), въ ряду которыхъ двѣ надписаны: „Характеристика Антиохійскихъ соборовъ и личности еп. Павла“ (I) и „Заключительная характеристика всего дѣла Павла (Самосатскаго). Послѣдующіе отголоски его въ древне-церковной литературѣ“ (гл. IV).

Въ итогѣ представленнаго теперь обзора,—по самому скромному подсчету,—главъ, которыя преслѣдуютъ только всецѣло церковно-историческія задачи и которыя поэтому подтверждаютъ наше воззрѣніе на общій характеръ изслѣдованія А. И. Покровскаго,—никакъ не менѣ одной трети. Очень сомнительно, чтобы такое число ихъ вызывалось хотя сколько нибудь дѣйствительною потребностью для должнаго выполненія именно поставленной авторомъ задачи. вмѣстѣ же съ тѣмъ,—добавимъ,—даже по перечню главъ очевидно, что авторъ не ставилъ хотя сколько-нибудь опредѣленныхъ границъ для своего изслѣдованія, какъ историко-каноническаго.

Вполнѣ соглашаемся, однако, что принимать только что сдѣланные выводы, руководясь лишь чисто формальною аргументаціею,—такою, какъ надписанія главъ, очень не достаточно, если не менѣ того. Открывается, такимъ образомъ необходимость съ тою же цѣлью въ обзорѣ самаго содержанія изслѣдованія.—При всей нежелательности того, мы сдѣлали этотъ обзоръ.

Въ общемъ итогѣ, выключая съ всестороннимъ наблюденіемъ страницы, хотя сколько нибудь соприкасающіяся съ формальною стороною соборовъ, при такомъ обзорѣ, всетаки

предполагаемыхъ нами страницъ получается болѣе 250,— т. е. количество, превышающее цѣлую треть всего изслѣдованія. Хотя авторъ и говоритъ во введеніи (стр. XVIII), что ему „все же не мало приходилось удѣлять вниманія и внутренно-предметной сторонѣ“ (соборовъ), и между прочимъ поскольку знакомство съ такою стороною необходимо для освѣщенія организаціонной стороны соборовъ,—однако, внѣ всякаго сомнѣнія, этого вниманія удѣлено весьма сверхъ мѣры. Кромѣ указываемаго количества страницъ, послѣднее наглядно иллюстрируется и тѣмъ, что при обзорѣ содержанія книги на этотъ разъ оказывается: изъ всѣхъ 39 главъ только пять (I, 4—5; IV и V, 5—6) свободны отъ излишняго историческаго балласта, а въ параллель тому имѣются главы, которыя цѣликомъ внѣ должной быть сферы изслѣдованія автора. Не забудемъ сверхъ того, что въ отмѣчаемомъ количествѣ—250-ти: а) на всѣхъ страницахъ, правда, трактуется о соборахъ, но именно какъ историческихъ фактахъ, взятыхъ въ бывшей ихъ дѣйствительности, безъ всякаго отношенія къ канонической или точнѣе формальной сторонѣ тѣхъ же соборовъ; и б) на всѣхъ нихъ предано полному забвенію то заявленіе автора (стр. XVII), что поводы къ составленію соборовъ и самое существо соборныхъ рѣшеній,—словомъ, предметная сторона—имѣеть быть внѣ центра тяжести его изслѣдованія; наоборотъ, этой сторонѣ на данныхъ страницахъ иногда и отдается преимущественное вниманіе.—и притомъ, здѣсь нѣтъ такихъ разсужденій, которыя давали бы субсидіорный матеріалъ для выставяемой авторомъ задачи.

Допустимъ, однако, что и въ такомъ объемѣ,—объемѣ—за треть сочиненія, указываемыя страницы не нарушаютъ еще должной быть его цѣли,—допустимъ, что и такое обильное привнесеніе чисто историческаго элемента не говоритъ еще о несоотвѣтствіи содержанія настоящей книги поставленной въ ней задачѣ. Но тогда мы должны сказать, что этими 250-ю страницами далеко не обнимаются все то, что составляетъ посторонній элементъ въ книгѣ. Эти страницы, по кр. мѣрѣ, дѣйствительно касаются соборовъ, хотя и не въ томъ отношеніи, какъ требуется задачею автора. Рядомъ съ ними мы находимъ еще обиліе страницъ, но уже такихъ, на которыхъ идетъ рѣчь о предметахъ, даже не связанныхъ непосредственно съ представленіемъ о соборахъ.

Эти страницы:

- 18 — 23—обзоръ, такъ называемой, Апостолической литературы.
- 134—148—въ подавляющей части разсуждается о сущности монтанизма и необходимости напряженной церковно-соборной борьбы съ нимъ.
- 156—163—о хронологіи ранняго монтанизма.
- 169 — 188—о сущности пасхальныхъ споровъ (вся глава—III, 1).
- 188—207—очеркъ развитія пасхальныхъ споровъ II в. (тоже вся глава III, 2).
- 240—245—о томъ, почему на Востокъ стояли за четырнадцатничество въ отношеніи времени празднованія Пасхи.
- 289—299—подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Оригена.
- 313—320—объ особенностяхъ административнаго устройства Александрійской церкви.
- 330—331—о Бериллѣ бострійскомъ.
- 327—340—о христіанизациі Аравіи.
- 355—385—Историческій очеркъ дѣла падшихъ (V, 1).
- 386—406—Историч. очеркъ о существѣ кареагено-римской схизмы (V, 2).
- 559—560—о столкновеніи Кипріана съ Стефаномъ.
- 567—573—характеристика крещальныхъ споровъ Кипріановой эпохи (вся глава).
- 613—630; 631—632—о христіанизациі сѣв. Африки, о церковно-административномъ устройствѣ Африканской церкви по соборнымъ спискамъ (развѣ кромѣ нѣкоторыхъ побочныхъ данныхъ).
- 643—647—о послѣдствіяхъ 7 кареагенскаго собора для взаимныхъ отношеній Кареагенской и Римской церкви.
- 656—661—о политическомъ положеніи Антиохіи.
- 661—666—о личности Павла самосатскаго и его теологіи.
- 695—719—о дѣлѣ Павла самосатскаго самомъ въ себѣ и объ отголоскахъ его въ послѣдующей исторіи церкви.

Въ общемъ здѣсь получается болѣе 200 страницъ, которыя не отвѣчаютъ даже вообще изслѣдованію о соборахъ. Собственно это тѣ страницы, къ коимъ относится замѣчаніе автора, что „вопросы о сущности монтанизма, или о пас-

хальныхъ, покаянныхъ и крещальныхъ спорахъ., съ которыми связано большинство нашихъ соборовъ, крайне важны и интересны и сами по себѣ, а между тѣмъ освѣщеніе ихъ въ русской литературѣ нельзя признать исчерпывающимъ и полнымъ“ (стр. XVIII—XIX).

Если мы соединимъ теперь въ одно цѣлое итоги страницъ, предполагаемыхъ въ предыдущемъ случаѣ и означенныхъ теперь, то получаемъ, на 706 стр. всего изслѣдованія, чисто историческихъ 450—460 (и почти въ половинѣ этого числа постороннихъ не только для специальной задачи автора, но и вообще для предмета его темы), т. е. получаемъ почти двѣ трети всего сочиненія. Едва ли нужно пояснять, что говорить послѣ этого о разсматриваемомъ сочиненіи, какъ каноническомъ, во всякомъ случаѣ не приходится. Это есть обыкновенное церковно-историческое изслѣдованіе, въ которомъ собственно не каноническій, а только связанный съ каноническою стороною организаціи соборнаго института элементъ привносится въ незначительной мѣрѣ и лишь постольку, поскольку возможность того предполагается фактической исторіею того или другого собора и наличностью именно историческаго очерка о немъ, взятомъ съ его внѣшней и внутренней стороны.

Конечно, разъ предметъ изслѣдованія А. И. Покровскаго для нашего времени есть фактъ исторіи, никакъ нельзя отрицать, что историческія данныя о соборахъ, долженствующихъ теперь служить объектомъ каноническаго обсужденія, не могутъ быть отсюда въ совершенной мѣрѣ устранены. Но имъ во всякомъ случаѣ, вмѣсто 450 стр. изъ 706, могли бы быть посвящены одна—много двѣ—главы вводнаго характера, гдѣ были бы даны въ сжатомъ очеркѣ существенныя данныя, добытыя наукою касательно фактической исторіи всѣхъ соборовъ, которые далѣе имѣютъ приниматься во вниманіе уже по канонической ихъ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ, ни источники для исторіи того или другого собора, ни его хронологія, ни поводы къ нему, ни характеристика лицъ, участвовавшихъ на соборѣ, ни фактическая сторона дѣйствій на соборѣ, ни, наконецъ, предметъ обсуждавшійся на соборѣ и рѣшеніе по нему—по ихъ существу, не могутъ и не должны быть объектомъ нарочитаго изслѣдованія въ работѣ каноническаго характера по организаціонной сторонѣ

собора; всѣ эти факты или стороны должны находить себѣ здѣсь примѣненіе, какъ уже готовыя положенія, выработанныя наукою, развѣ только съ неизбежными примѣчаніями автора по мѣстамъ.

Итакъ, ни съ формальной стороны, со стороны конструкціи, какъ это разъяснено выше, ни по существу своего содержанія разсматриваемое сочиненіе не имѣется основаній понимать именно историко-каноническимъ, т. е. такимъ, которое осуществляетъ задачу дѣйствительно изъ области каноническаго права въ извѣстный моментъ ея исторіи. Оно есть, какъ уже сказано, изслѣдованіе только церковно-историческое, которое если и касается фактовъ и явленій, соприкасающихся съ сферою церковнаго права, то только, какъ они выражались фактически въ исторіи и безъ какой либо спеціальной группировки ихъ и безъ освѣщенія съ точки зрѣнія основныхъ началъ церковнаго права, относящихся къ административной организаціи церкви.

По нашимъ наблюденіямъ самъ же авторъ не можетъ отрицать вѣрности такого воззрѣнія на характеръ его труда, исходя изъ цѣлаго ряда его выраженій на страницахъ изслѣдованія. Такъ, — что мы уже знаемъ, — еще въ предисловіи онъ говоритъ: „Тема (нашей) книги — церковные соборы, разсматриваемые въ плоскости ихъ исторіи, добавляя впрочемъ — „центръ тяжести нашего изслѣдованія падаетъ на формально-каноническую сторону исторіи соборовъ“ (стр. XVІІІ). Въ самомъ же изслѣдованіи буквально первыя строки читаются такъ: *Историка соборовъ* древней церкви, задавшагося цѣлью воспроизвести реально и подлинную картину первоначальнаго обнаруженія и постепеннаго развитія этого важнѣйшаго церковнаго института на самомъ же порогѣ его изслѣдованія... встрѣчаетъ соборъ...“ и пр. (стр. 3). Какъ очевидно, такое вступленіе далеко не гармонируетъ съ спеціальною каноническою задачею изслѣдованія. На послѣдующихъ страницахъ такія же заявленія не рѣдкость.

Для примѣра приводимъ слѣдующія. „Исключительно высокой характеръ Апостольскаго... собора... насъ заставляеть посвятить ему особую главу въ *историческомъ* обзорѣ соборнаго института. Для *историка* церковныхъ соборовъ (къ категоріи которыхъ предшествующими словами причисляетъ себя и авторъ) Апост. соборъ... такъ сказать, источникъ

послѣдующихъ соборовъ“—(стр. 8) „Нѣкоторые начинаютъ *исторію* перваго церковнаго собора (съ факта разногласія въ Антиохіи у ап. Павла и Варнавы съ іудействующими пришельцами). Поэтому позволимъ себѣ нѣсколько на немъ задержаться“ (стр. 43).—„Противомонтанистическіе (соборы послужили)... фактическимъ началамъ соборной *исторіи* церкви... Этимъ... обусловливается и нашъ повышенный интересъ къ начальной фазѣ монтанизма... и къ *исторіи* первыхъ, вызванныхъ имъ церковныхъ соборовъ“ (стр. 100).—(Заглавіе I главы IV-го очерка). „Характеристика новаго, переходнаго періода въ *исторіи* древне-церковныхъ соборовъ“ (и начальныя слова ея): „Вдумчивый *ислѣдователь исторіи* древне-церковныхъ соборовъ, покидая почву втораго вѣка...“ и пр. Къ счастью для насъ и для *исторіи* соборовъ (въ III вѣкѣ) на подмогу Евсевію (какъ источнику) выступаютъ два новыхъ церковныхъ писателя...“ (255).—„Наше *ислѣдованіе* о соборахъ Кипріановой эпохи пріобрѣтаетъ характеръ болѣе подробнаго и плавнаго *историческаго разсказа*, въ которомъ всѣ соборы названнаго періода получаютъ... болѣе живую *историческую* окраску“ (стр. 354).—„*Исторію* послѣдняго изъ (серіи карфагенскихъ) соборовъ (мы)... должны признать самой интересной и выдающейся ея страницей“ (стр. 600). Такою же характерною фразою заканчиваются и всѣ *ислѣдованія* автора, разъ здѣсь мы читаемъ: „Если говорить о земныхъ, естественно-историческихъ факторахъ... развитія (Церкви) и (ея) роста, то въ ряду ихъ на одно изъ первыхъ мѣстъ мы должны поставить „церковные соборы“, какъ наиболѣе дѣйствительное и могучее средство возбуждать къ работѣ коллективный разумъ церкви и возгрѣвать присно живущій въ ней духъ соборно-вселенскаго единства. Въ этомъ мы и видимъ главную заслугу соборовъ древнѣйшей церкви и ихъ краснорѣчивый, незабываемый урокъ, или вѣрнѣе, святой завѣтъ на всѣ послѣдующія времена“ (стр. 720). Это послѣднее слово *ислѣдованія*—только слово *ислѣдователя-историка*, а не канониста.

Сверхъ того, самъ же А. И. Покровскій даетъ понятъ объ его уклоненіяхъ въ исторической области уже за предѣлы соборной исторіи. Такъ на стр. 617 читаемъ: „Опасаясь перегрузить свое *ислѣдованіе* побочнымъ, хотя и весьма

интереснымъ для нашихъ цѣлей матеріаломъ... мы не будемъ входить въ подробности гражданско-политической исторіи Сѣверной Африки...". Или на стр. 715: „Не желая, безъ крайней въ томъ нужды, удлинять своего изслѣдованія, мы изъ массы любопытныхъ историческихъ отголосковъ о дѣлѣ еп. Павла (Самосатскаго) остановимся только на тѣхъ, которые особенно авторитетны и пр.“... Особенно подобнымъ характеромъ даютъ себя знать стрр. 257—258 при рѣчи объ источникахъ для исторіи малоизвѣстныхъ соборовъ первой половины III вѣка и при отвѣтѣ на вопросъ—почему церковная исторія скупо освѣщаетъ этотъ періодъ въ исторіи соборовъ?

Отмѣченныя теперь заявленія автора, впрочемъ,—не препятствуютъ ему сопровождать ихъ и заявленіями о себѣ, какъ историкѣ-канонистѣ и о своемъ трудѣ какъ историко-каноническомъ. Особенно характерна въ этомъ случаѣ стр. 25, на которой читаемъ: „По отношенію къ первому, іерусалимско-Апостольскому собору православный историкъ находится въ довольно исключительномъ положеніи. При изслѣдованіи всѣхъ другихъ соборовъ... весь матеріалъ соборному историкъ приходится отыскивать... критически очищать... и въ заключеніе гармонически объединять подъ извѣстнымъ церковно-правовымъ угломъ зрѣнія, т. е. другими словами говоря, онъ все время долженъ выступать въ роли историка-критика и канониста-интерпретатора. При обзорѣ же Апостольск. собора историкъ имѣетъ дѣло съ матеріаломъ... иной природы... Историкъ соборовъ въ данномъ случаѣ долженъ превращаться, до извѣстной степени, въ библеиста-апологета и филолога—экзегета. Но разумѣется... историкъ соборовъ никогда не долженъ забывать, что библейскій экзегесисъ текста для него... лишь служебное орудіе... по тому... самому... ученые филологи и библеисты не въ правѣ предъявлять къ историкъ-канонисту повышенныхъ требованій... экзегесиса“. Насколько можно здѣсь усвоить реальное значеніе употребленію термина историкъ-канонистъ,—это ясно само собою.

За выключеніемъ указанныхъ чисто историческихъ 450 страницъ, на долю изслѣдованій по организаціонной сторонѣ того или другого собора,—и вообще такихъ, которыя могутъ доставлять историческій матеріалъ, пригодный и для канониста, остается всего менѣе 250 страницъ.

- Эти страницы и ихъ назначеніе обнимаются слѣдующимъ:
9—18 и 23 —24—о томъ, какъ смотрѣть на Апостольскій соборъ: считать ли его первымъ въ длинной исторической цѣпи послѣдующихъ церковныхъ соборовъ или признавать его только идеальной нормой?..
52—73—(вся глава IV)—„Характеръ Апост. собора и его составъ“,—въ коей, впрочемъ, стр. 64—70 посвящены, по кр. мѣрѣ въ такихъ предѣлахъ, излишне пространному очерку объ іудейскихъ пресвитерахъ.
74—83—вся же глава (V)—„Роль на соборѣ пресвитеровъ и мірянъ“,—собственно восполняющая предыдущую главу и, можно сказать, напрасно выдѣленная изъ предыдущей.
83—91—вся же глава (VI)—„Апостольскій декретъ“, который привлекаетъ вниманіе автора по своей внутренней сторонѣ, какъ идеальное выраженіе всей высоты истинно соборнаго духа (стр. 83—84), а потому на стр. 84—85 разсматривается и по существу его содержанія, что опять таки внѣ задачи каноническаго свойства; сверхъ того, на стр. 84—91 также трактуется вопросъ спеціально-историческаго характера—о взглядѣ Зона, отрицающемъ Іерусалимскій соборъ и предполагающемъ такимъ соборомъ бывшее послѣ того собраніе въ Антиохіи.
97—101—общія замѣчанія по исторіи соборовъ, какъ формальнаго института,—по возникновеніи противомонтанистическихъ соборовъ.
109—111—предположеніе о характерѣ и мѣстѣ первыхъ противомонтанистическихъ соборовъ.
125—131, 132—134—о мѣстѣ, предсѣдателѣ, объемѣ, составѣ и процессуальной сторонѣ дѣятельности Большаго Іеропольскаго собора противъ монтанизма.
166—о значеніи монтанистическаго движенія въ исторіи развитія соборнаго института.
211—217—о пасхальныхъ соборахъ (исходя изъ сообщенія о нихъ Евсевія) какъ чрезвычайныхъ, о техническомъ наименованіи изслѣдуемаго института соборами и о составѣ пасхальныхъ соборовъ.
221—о посланіи палестинскаго пасхальнаго собора.
226—227—краткое замѣчаніе о ростѣ соборнаго пасхальнаго

института въ виду перечня пасхальныхъ соборовъ у Евсевія.

- 229; 231; 233; 234—240—объ объёмъ Ефесскаго собора „четырнадцатниковъ“ и самое его постановленіе (со стороны его основаній).
- 252—общая замѣтка къ исторіи формы соборовъ, какъ заключеніе къ обзорѣню пасхальныхъ соборовъ.
- 255—260—характеристика переходнаго момента въ историческомъ развитіи соборовъ.
- 264—271—составъ собора Агриппина и его объёмъ.
- 275—278—тоже—Иконійскаго собора.
- 299—313; 322—323—объёмъ и составъ соборовъ касательно Оригена и здѣсь же (стр. 302—307) о происхожденіи соборовъ.
- 332—334; 340—342; 346—о типѣ и составѣ собора противъ Берилла.
- 348—общее сужденіе касательно значенія свѣдѣній о малоизвѣстныхъ соборахъ первой половины III в. для выясненія исторіи развитія соборнаго института.
- 351—значеніе Киприановыхъ соборовъ для выясненія исторической эволюціи древне-церковныхъ соборовъ.
- 427—428—о письменномъ изложеніи и разсылкѣ постановленія перваго (весною 251 г.) Карфагенскаго собора.
- 449—468—вся глава—„Составъ и характеръ Карфагенскихъ соборовъ 251 г.“
- 469—506—вся же глава—„Проблема происхожденія церковныхъ соборовъ. Изложеніе и разборъ соборной теоріи R. Sohm'a“.
- 514—523—составъ Римскаго собора 251 г. и объ изложеніи его постановленій въ особомъ посланіи.
- 524—525—составъ и объёмъ неизвѣстнаго собора относительно „lapsi“.
- 534—536—косвенно къ составу третьяго Карфагенскаго собора (съ 15 мая 252 г.).
- 540—543—спеціально о составѣ и характерѣ того же собора.
- 560—563—составъ и характеръ Карфагенскаго собора 254 г.
- 564—косвенно къ объёму того же собора.
- 575—577—къ типу собора нумидійскихъ епископовъ и о типѣ собора Карфагенскаго 255 г.
- 579—580—о составѣ того же Карфагенскаго собора.

- 598—599—вообще о типахъ провинціальныхъ соборовъ Африки и въ частности о типѣ Карфагенскаго собора 256 г.
- 610—о „Sententiae episcoporum“, какъ протоколъ осенняго Карфагенскаго собора 256 г.
- 612—613—о между-провинціальномъ характерѣ объема того же собора 256 г.
- 630—631—о распорядкѣ епископовъ при дѣйствіяхъ Карфагенскихъ соборовъ.
- 632—633—о регулярно-провинціальныхъ соборахъ въ Африкѣ.
- 634—643—составъ Карфагенскаго собора 256 г. и самый его процессъ.
- 648—о значеніи Карфагенскихъ соборовъ для образованія вообще типовъ соборовъ.
- 651—656—о типахъ соборовъ на христіанскомъ востокѣ.
- 668—сообщеніе Евсевія о первыхъ двухъ соборахъ по дѣлу еп. Павла Самосатскаго.
- 669—677—о томъ, кто созывалъ первый изъ тѣхъ же соборовъ, о предсѣдателѣ на немъ, его составѣ и о ходѣ преній на немъ.
- 679—680—о предсѣдателѣ и составѣ втораго Антиохійскаго собора.
- 680—689—о посланіи Большаго Антиохійскаго собора по тому же дѣлу; объемъ, составъ и опредѣленіе того же собора.
- 693—694—къ составу того же собора.

Въ представленномъ перечнѣ отмѣчены всѣ страницы, не включенныя въ перечень страницъ спеціально историческаго содержанія, хотя бы на нихъ иногда и было только нѣсколько строкъ, которыя хотя сколько нибудь могутъ отвѣчать потребности канониста и именно могутъ доставить ему субдиарный историческій матеріалъ для установленія правильной нормы по той или другой формальной сторонѣ собора.—Какъ очевидно, всѣ эти страницы, будучи совмѣщены съ страницами фактической соборной исторіи, можно сказать—въ подавляющей ихъ части, какъ бы спорадически вкраплены въ общій чисто историческій фонъ книги.

Обращаясь къ тѣмъ вопросамъ, о какихъ онѣ говорятъ, мы наблюдаемъ, что кромѣ особымъ поводомъ выдвинутаго

вопроса—о значеніи Апост. собора, А. И. Покровскій, между прочимъ, касается здѣсь вопросовъ—къмъ созывался соборъ (670—671), о мѣстѣ составленія собора (125—126; 483—488), его предсѣдателѣ (125—126; 670—671; 679—680), процессуальной сторонѣ при дѣйствіяхъ собора (132—134; 630—631; 640—643; 676—677), о порядкѣ редактированія на соборѣ постановленій (83—92 (Апост. соб.); 229; 240; 427—428) и разсылкѣ ихъ въ особомъ посланіи (221; 427—428; 522—523). О всѣхъ этихъ вопросахъ, однако, говорится, такъ сказать, только при подходящихъ случаяхъ, не систематически, не по планомѣрному распредѣленію главныхъ задачъ. Систематически вниманіе автора обращено въ данномъ случаѣ на особый вопросъ, это—на объемъ собора, т. е.—съ какого района на соборѣ было представительство церквей,—а въ связи съ нимъ и вообще о типахъ соборовъ и историческомъ развитіи соборнаго института въ первые три вѣка. Но центромъ вниманія А. И. Покровскаго здѣсь служить собственно одно—это вопросъ о составѣ собора и взаимоотношеніи его составныхъ элементовъ. Къ этому вопросу онъ возвращается при изложеніи исторіи каждаго собора; его касается онъ и принципиально. Можно сказать, выясненіе только этого вопроса и составляетъ суть предполагаемаго каноническаго элемента въ книгѣ А. И. Покровскаго,—только для этой цѣли и затронута въ ней организаціонная сторона соборовъ въ древнѣйшей церкви.—Само собою разумѣется, впрочемъ, при принятой конструкціи всего изслѣдованія рѣчь автора по тому и другому изъ послѣднихъ вопросовъ представляетъ только часть, если не дополненіе, спеціального обзорѣнія каждаго изъ изслѣдуемыхъ соборовъ. Отсюда и изслѣдованіе по обоимъ этимъ вопросамъ не какой либо нарочитый цѣльный трактатъ, а только рядъ разбросанныхъ по книгѣ отдѣльныхъ замѣтокъ или разсужденій при историческомъ очеркѣ о каждомъ соборѣ.—При этомъ,—что безусловно нужно отмѣтить,—какого либо обобщающаго заключенія къ такимъ замѣткамъ или разсужденіямъ *совершенно нѣтъ*.

Все послѣднее небезосновательно даетъ поводъ сказать, что А. И. Покровскій—чуждъ въ отношеніи послѣднихъ вопросовъ, а равно и упомянутыхъ прочихъ того же свойства—должной постановки изслѣдованія ихъ въ своемъ трудѣ,

какъ историко-каноническомъ. Особенно это проявляется въ томъ характерномъ фактѣ, что разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи соборовъ читатель находитъ въ книгѣ А. И. Покровскаго, благодаря воздѣйствію на него Sohм'a, только среди изслѣдованія,—при рѣчи о Карѳагенскихъ соборахъ.

Въ заключеніе нашего общаго воззрѣнія на книгу А. И. Покровскаго, взятую въ ея цѣломъ, еще одно дополнительное замѣчаніе. Понимая эту книгу не какимъ либо органически-цѣльнымъ изслѣдованіемъ, а только совокупностью отдѣльныхъ очерковъ объ однородныхъ предметахъ, мы исходимъ въ такомъ сужденіи не только изъ представленія формальной конструкціи настоящаго ученаго труда, но и изъ существа дѣла, т. е. мотивируемся тѣмъ, что какой либо внутренней органической связи между такими отдѣльными очерками не наблюдается. Если и встрѣчается, на скудномъ числѣ страницъ, гдѣ авторъ обращаетъ вниманіе читателя и напоминаетъ ему о сказанномъ въ другихъ отдѣлахъ, то такія мѣста имѣютъ только внѣшнее значеніе, т. е. могли бы одинаково примѣнить и при самостоятельномъ изданіи каждаго очерка.

Исключеніе въ разсматриваемомъ отношеніи представляють только краткія тирады (заключительныя) на стр.—166, 252, 348 и (вступительныя) 351—352. На первой говорится о значеніи противомонтанистическихъ соборовъ въ исторіи развитія соборнаго института, на второй—то же самое въ отношеніи соборовъ пасхальныхъ, на третьей—то же касательно малоизвѣстныхъ соборовъ первой половины III вѣка и на четвертой—то же по адресу соборовъ Кипріановой эпохи.—Но даже и такія тирады (съ содержаніемъ которыхъ мы имѣемъ поводъ ознакомиться ниже), съ небольшими дополненіями, одинаково умѣстны и при отдѣльномъ изданіи каждаго соотвѣтствующаго имъ очерка.

Всѣмъ изложеннымъ доселѣ мы высказали наше общее воззрѣніе на книгу А. И. Покровскаго, взятую въ ея цѣломъ—и какъ вообще учено-литературное произведеніе, и какъ изслѣдованіе, предлагаемое авторомъ въ значеніи историко-каноническаго. Обращаемся далѣе къ разсмотрѣнію сообщеній и разсужденій автора по частнымъ предметамъ, затронутымъ въ его книгѣ. На этотъ разъ въ виду того, что А. И. Покровскій не считаетъ Апостольскій соборъ органи-

чески связаннымъ съ послѣдующими соборами, и свое изслѣдованіе о немъ понимаетъ какъ бы введеніемъ къ дальнѣйшей исторіи соборовъ, мы, слѣдуя ему, также посвящаемъ особую рѣчь очерку объ этомъ соборѣ. Что же касается до всего послѣдующаго содержанія книги, то въ этомъ случаѣ мы не находимъ оправданій слѣдовать принятому въ ней предметно-хронологическому порядку изслѣдованія. Какъ мы видимъ, онъ включаетъ два разряда страницъ: однѣ—на первомъ планѣ и въ преизбыточествующемъ объемѣ—относятся всецѣло къ фактической исторіи соборовъ; другія—которыя въ томъ или другомъ отношеніи касаются формальной организаціи соборовъ. Первыя—не отвѣчаютъ прямому назначенію разсматриваемой книги, и наличие вторыхъ предполагается должною быть по самой идеѣ автора. Исходя изъ такого существеннаго ихъ различія,—мы и находимъ правильнымъ говорить по содержанію каждой изъ этихъ двухъ совокупностей страницъ—особо.

III.

Рѣчь А. И. Покровскаго объ Апостольскомъ соборѣ открывается общими предварительными разсужденіями въ особой главѣ—„Историческая роль и современное значеніе собора“. Въ начальныхъ строкахъ этихъ разсужденій, „опредѣляя“ Апост. соборъ „ближе и точнѣе“, авторъ называетъ его—„Соборъ Іерусалимской церкви, состоявшійся при участіи делегатовъ отъ церкви Антиохійской и происходившій подъ верховнымъ руководствомъ св. апостоловъ“ (стр. 3). Такое опредѣленіе болѣе чѣмъ возбуждаетъ сомнѣніе и именно въ его точности. И это въ слѣдующемъ: 1) Въ настоящемъ случаѣ былъ соборъ не Іерусалимской только церкви, но всей, разъ реальное значеніе его обуславливалось [наличиемъ на немъ апостоловъ, которые въ церковно-іерархическомъ отношеніи представляли собою элементъ общецерковный. 2) Представители Антиохійской церкви не были въ точномъ смыслѣ делегатами для участія на соборѣ; они отправлены были собственно къ апостоламъ въ значеніи депутаціи для авторитетнаго освѣдомленія по вопросу, существенно затрогивавшему эллино-христіанскій міръ; и 3) Апостолы были не только верховными руководителями на соборѣ, но и исключительно рѣшающимъ элементомъ на немъ.

По автору, далѣе—„Апост. соборъ это—единственный, о которомъ свидѣтельствуемъ намъ... Свящ. Писаніе. Онъ—первый, не только по времени, но и по своему несравненно высокому авторитету... Для историка церковныхъ соборовъ Апост. соборъ—не только первый опытъ и такъ сказать источникъ всѣхъ послѣдующихъ соборовъ, но вмѣстѣ и идеальный образецъ и высоко-авторитетная норма собора“ (стр. 8). Онъ—„самый первый изъ всѣхъ, какіе только извѣстны въ исторіи христіанской церкви“ (стр. 34). Такъ ли это? О соборѣ, къ которому относятся настоящія слова автора, повѣствуетъ XV гл. кн. Дѣяній Апостольскихъ. Но въ той же книгѣ, выше, и еще имѣются повѣствованія, которыя нельзя забывать при рѣчи о соборѣ въ Апостольскую эпоху. Такъ, въ I гл. (послѣ замѣчанія, что *всѣ* (11) апостолы, находясь въ одномъ помѣщеніи,—„единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи“... ст. 13—14) мы читаемъ: „И въ тѣ дни Петръ, ставъ среди учениковъ, сказалъ (было же собраніе человекъ около ста двадцати): „мужи братія! надлежало исполниться тому, что въ Писаніи предрекъ Духъ Святой... (и далѣе—о гибельной судьбѣ Іуды)... И такъ надобно, чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время.. былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелями воскресенія Его (Господа). И поставили двоихъ... И помолились... И бросили о нихъ жребій, и выпалъ жребій Матѳею, и онъ сопричисленъ къ одиннадцати апостоламъ“ (ст. 15—26). Равнымъ образомъ въ гл. VI-й читается же: „Въ эти дни, когда умножились ученики, произошелъ у Елминистовъ ропотъ на Евреевъ за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаваніи потребностей. Тогда *двенадцать Апостоловъ*, созвавъ множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пещись о столахъ. И такъ, братія, выберите изъ среды себя семь человекъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости: ихъ поставимъ на эту службу.. И угодно было это предложеніе всему собранію и избрали.. (и) ихъ (избранныхъ) поставили предъ Апостолами и сіи, помолившись, возложили на нихъ руки“ (ст. 1—6).—О чемъ говорить то и другое извѣстіе? Какія до тому и другому предполагаются собранія учениковъ?—Это—очевидно нарочитое—присутствіе на томъ и другомъ всего апостольства, эта отмѣтка о присутствіи на нихъ числа и множества уче-

никовъ, это явно нарочитое же созваніе такого множества въ обонхъ случаяхъ, это усвоеніе значенія участію въ томъ и другомъ собраніи только мужескому элементу, это, наконецъ, выраженіе во второмъ случаѣ, что предложеніе было угодно всему собранію,—безъ всякихъ другихъ поясненій говорятъ, что въ томъ и другомъ случаѣ были не обыкновенныя собранія для общенія въ богослуженіи и молитвѣ и для назиданія, а собранія формальнаго характера,—такія, которыя по своей сущности были соборами. Одинъ изъ нихъ былъ избирательнымъ, другой же—для установленія новаго порядка въ бытовой сторонѣ христіанской общины, но оба были соборами собственно не Іерусалимской, а всей церкви, хотя примѣнительно къ условіямъ первобытнаго ея существованія именно въ Іерусалимѣ.—Жизнь церкви, какъ учрежденія,—добавимъ сюда,—съ самыхъ же первыхъ моментовъ ея существованія, требовала, въ дѣлѣ ея устройства, осуществленія соборнаго начала, хотя бы въ самой простѣйшей организаци, разъ соборъ, по признанію самого же автора, былъ жизненнымъ нервомъ церкви.—Такимъ образомъ, говоря вообще, Апостольскій соборъ 51 года былъ во всякомъ случаѣ не первымъ соборомъ, и потому о формальной сторонѣ собора въ апостольское время нужно говорить не по одному, а по тремъ примѣрамъ.

Предварительно рѣчи о самомъ соборѣ по существу (съ формальной его стороны) авторъ задается рѣшеніемъ вопроса: какъ смотрѣть на него въ отношеніи къ соборамъ послѣдующаго времени: есть ли онъ первый въ цѣпи всѣхъ соборовъ, или же есть только идеальная норма, неповторяемый образецъ для послѣдующаго времени? Отмѣтивъ, что перваго воззрѣнія держатся католическіе ученые, а второго—протестантскіе (стр. 9--10), А. И. Покровскій касается мнѣній по этому вопросу и русскихъ ученыхъ. Кромѣ мнѣнія А. В. Горскаго (въ его лекціяхъ) онъ въ особенности занимается оцѣнкою мнѣній, высказанныхъ на Предсоборномъ Присутствіи. Сужденія его, при этомъ, не всегда отвѣчаютъ дѣйствительности.—По А. И. Покровскому, напр., мнѣніе проф. П. Я. Свѣтлова аналогично мнѣнію А. В. Горскаго, который проводитъ идею реального значенія Апост. собора для послѣдующаго времени. Но проф. Свѣтловъ говорилъ: „Онъ (Апост. соборъ) долженъ служить *нормою*, образцомъ,

идеаломъ для послѣдующихъ временъ“ и потому въ сущности дѣла не разграничиваетъ указанныхъ выше двухъ точекъ зрѣнія въ западной наукѣ. Сверхъ же того, направляясь въ заключеніе къ тому воззрѣнію, что суть значенія Апост. собора для послѣдующихъ соборовъ должна обниматься усвоеніемъ выразившагося на немъ принципа—любви (стр. 11),—онъ вообще далеко стоитъ отъ рѣшенія вопроса о практическомъ или каноническомъ значеніи этого собора для организациіи соборовъ въ послѣ-апостольское время.—Равнымъ образомъ, не имѣетъ достаточныхъ основаній и выдѣленіе проф. Н. Н. Глубоковского и Н. П. Аксакова въ особую примирительную группу. Если по тому и другому Апост. соборъ указываетъ норму для организациіи соборовъ въ послѣдующее время (стр. 12), то они опредѣленно принадлежатъ къ первой указанной группѣ ученыхъ.

Самъ А. И. Покровскій предпринимаетъ теперь первый опытъ, замѣтно примѣняемый имъ и впослѣдствіи,—избрать среднее мнѣніе. По его заключеніямъ или „выводамъ“: „хотя Апост. соборъ и не стоитъ въ непосредственной историко-генетической связи съ послѣдующими церковными соборами, однако онъ получилъ для нихъ значеніе руководственно-авторитетной нормы, идейнаго типологическаго образца“,—т. е. въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто не внѣшне-историческая, а внутренне-идейная связь“ (стр. 14); связь эта, однако, „выяснилась не ранѣе половины III-го вѣка, когда впервые становится замѣтной и церковная рецепція Апост. собора (когда получили общецерковное распространеніе и признаніе самыя извѣстія Св. Писанія объ Апост. соборѣ)“ (стр. 15). Въ сущности дѣла, однако, при такой точкѣ зрѣнія, на нашъ взглядъ, онъ остается на одной линіи съ указанною имъ первою категоріею ученыхъ.

Принимаемая идейная связь признается А. И. Покровскимъ сознательно воспринятою и выраженною въ церковной практикѣ соборнаго института только когда упрочилась теорія апостольскаго преемства епископата и получили общецерковное распространеніе и признаніе самыя извѣстія Писанія объ Апост. соборѣ и вообще не ранѣе половины III в., когда впервые становится замѣтной рецепція Апост. собора (стр. 15).—Нѣтъ особенной нужды говорить о томъ, что сознаніе апостольскаго преемства епископата обя-

зано во всякомъ случаѣ не примѣненію какой либо теоріи, а естественному порядку вещей въ организациі церкви послѣ-апостольскаго времени. Равнымъ образомъ, едва ли нужно упоминать о томъ, что вѣдѣніе объ Апост. соборѣ стало общеизвѣстнымъ несомнѣнно ранѣе III вѣка. Авторъ забылъ, что кромѣ Свящ. Писанія въ этомъ направленіи великое значеніе имѣло еще Апостольское преданіе.

Результатомъ прочнаго представленія Апост. собора, по автору, явилась его рецепція, т. е. признаніе его вмѣстѣ съ усвоеніемъ ему въ той или другой мѣрѣ руководящаго значенія или примѣненія соборнаго института въ жизни Церкви. Доказательствомъ такой рецепціи считается заимствование въ соборныхъ опредѣленіяхъ послѣдующаго времени вступительной формулы, т. е. „Изволися Духу Святому и намъ“ изъ декрета Апост. собора. Первое исторически извѣстное примѣненіе ея наблюдается въ постановленіи весенняго Карфагенскаго собора 252 г., которое начинается словами: „Мы, по внушенію Св. Духа и слѣдуя указаніямъ Господа, заблагоразсудили...“ (стр. 16).—Аналогія, которую предполагаетъ здѣсь авторъ, дѣйствительно, есть. Но по существу это другая формула, хотя бы потому, что въ ней, кромѣ Св. Духа, упоминаются и указанія Господа. Кромѣ же того, уже одно то, что здѣсь только аналогія, а не буквальное воспроизведеніе формулы Апост. декрета, поддерживаетъ ту мысль, что въ данномъ случаѣ Карфагенскій соборъ руководился не примѣромъ Апост. собора, а общимъ представленіемъ о водительствѣ Церкви Духомъ Святымъ и соотвѣтствующими указаніями въ ученіи Христа. А. И. Покровский, однако, это свое заключеніе обосновываетъ еще и тѣмъ, что Кипріанъ былъ знатокомъ Св. Писанія, отлично знакомый и съ подлиннымъ текстомъ Апост. декрета (стр. 16). Какъ будто, дѣйствительно, для этого нужно было быть исключительнымъ знатокомъ Писанія! Не ограничиваясь указываемою, авторъ и еще приводитъ справки въ подтвержденіе рецепціи соборами цитуемой формулы (см. стр. 17, пространное примѣч. 1-е).—Ни одна изъ нихъ не можетъ быть понимаема хотя сколько нибудь осязательнымъ для того доказательствомъ.

Ту же рецепцію и именно ко второй половинѣ III вѣка, авторъ видитъ, впрочемъ, по преимуществу въ широкомъ

развитіи около этого времени такъ называемой— „Апостолнческой литературы“. Ею, какъ сказано, онъ въ подробностяхъ занимается на стрр. 17—23. Сказать одно-другое слово по поводу ея обзорнія имѣются поводы.

А. И. Покровскій подчеркиваетъ здѣсь, что въ „*Διδαχῆ*“—раннѣйшемъ памятникѣ Апостолнческой литературы нѣтъ никакого намека на исторію Апост. собора (стр. 18). Но это вполне естественно. Составитель „*Διδαχῆ*“ совершенно не ставилъ задачею нарочитое изложеніе формальныхъ порядковъ въ церкви и ни мало не касался того вопроса, рѣшенію коего былъ посвященъ Апост. соборъ. Самое наименованіе памятника — „*Διδαχῆ*“ предостерегаетъ отъ такого его пониманія.—А съ другой стороны, не лишне было бы обратить вниманіе на то, что памятникъ усвоется 12-ти апостоламъ, т. е. общему соборному ихъ голосу и такимъ образомъ соборному началу еще въ апостольскую эпоху усвоется значеніе независимо отъ факта Апост. собора, а исключительно отъ представленія коллективности апостольства.

Дидаскалія, правда, касается Апост. собора и излагаетъ его исторію съ подробностями, созданными воображеніемъ ея составителя (стр. 20). Но причеиъ же здѣсь именно рецензія Апост. собора, разъ исторія его излагается здѣсь лишь потому, что затрогивается вопросъ объ отношеніи христіанъ къ іудеямъ, и составитель Дидаскаліи поэтому естественно опирается на данныя Писанія объ относящемся сюда соборѣ? О какой либо нарочитой рецензіи изъ-за формальныхъ мотивовъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Составитель опирается въ этомъ случаѣ на авторитетъ собственно не Апост. собора, а Писанія и апостоловъ самихъ въ себѣ.—Дидаскалія, добавимъ, не то же, что и Апостольскія постановленія; какъ это заявляетъ авторъ (стр. 20).

Усвоетъ авторъ ту же рецензію и такъ называемымъ „Церковнымъ канонамъ“ и именно въ томъ, что составитель ихъ „раздѣлилъ свою работу на отдѣльные члены, вложилъ ихъ въ уста того или другого изъ 12-ти апостоловъ, т. е. старался дать своей работѣ авторитетъ апостольской древности, чѣмъ... оставилъ... непререкаемое свидѣтельство существованія рецензіи Апост. собора“ (стр. 22). Какъ вытекаетъ здѣсь подобное заключеніе,—объяснить мы не находимъ возможности (ср. такую же логику по поводу данныхъ

изъ твореній Кипріяна — стр. 16—17). Совершенно въ той же мѣрѣ вѣроятность аналогичнаго заключенія и касательно канонѣвъ Ипполита (стр. 22—23).

При отмѣченныхъ нами наблюденіяхъ, А. И. Покровскій видитъ изъ совокупности Апостолической литературы, что рецепція Апост. собора была усвоена вообще всею „древнею церковью“ (стр. 21—22).—На это имѣется основаніе возразить: а) Апостолическую литературу знаетъ собственно христіанскій Востокъ и притомъ Востокъ дальній; б) Западная церковь не проявила никакой энергіи въ творествѣ этой литературы и вообще относилась къ ней отрицательно и слѣд. по автору должна бы быть мало причастна трактуемой рецепціи; в) ссылка для подтвержденія такой ея причастности на каноны Ипполита не можетъ имѣть силы, ибо и текстъ, на которомъ они были изданы и хронологія ихъ переводовъ сами собой свидѣтельствуютъ, что и они твореніе Востока же; г) не надо забывать, наконецъ, что Апостолическая литература, какъ темная по происхожденію, по кр. мѣрѣ въ позднѣйшихъ ея проявленіяхъ, не могла пониматься въ древней церкви признанною выразительницею ея воззрѣній.

А. И. Покровскій въ результатъ своего обзора все той же литературы говорить, что Апостольскія постановленія, обнимая всю Апостолическую литературу, — „роль Апост. собора всюду усиленно выдвигаютъ на первый планъ“, и тѣмъ самымъ, слѣд., упрочивали рецепцію того же собора, такъ какъ они „имѣли широкое распространеніе и высокій авторитетъ въ древней церкви“ (стр. 23).—Перваго, несомнѣнно, въ Апост. постановленіяхъ нѣтъ; тамъ усиленно отмѣчается собственно вообще совмѣстная, соборная дѣятельность апостоловъ. Что тѣ же постановленія были распространены, это вѣрно. Но что касается до ихъ высокаго авторитета, да еще настолько, что именно они даже включались въ составъ канона, это нельзя считать оправдываемымъ историческими данными; по нимъ если и включалось что—то *Διδαχῆ*“, но не *Διατάξεις*“.

Въ конечномъ итогѣ настоящей вводной главы авторъ говорить: „Іерусалимскій Апост. соборъ не имѣлъ ни прямой историко-генетической связи, ни косвеннаго идейнаго вліянія на церковные соборы конца II-го вѣка, которые воз-

никали и подъ иными вліяніями и сами дали начало новой церковно-соборной традиціи. Не позднѣе, приблизительно съ половины III в. на эту модифицированную традицію оказала сильнѣйшее вліяніе и раннѣйшій традиція Апост. собора, ставшая могучимъ факторомъ соборной дѣятельности церкви“ (стр. 24).—По кр. мѣрѣ для насъ и отношеніе этого вывода къ канонической сторонѣ собора, и въ особенности онъ самъ по себѣ—предметъ полный неясности, если не болѣе того.—Во всякомъ случаѣ получается что то своеобразное: соборы конца II в. возникаютъ сами по себѣ, порождая традицію для послѣдующихъ соборовъ: они—эти послѣдующіе соборы и только уже они отражаютъ на себѣ вліяніе традиціи Апост. собора, какъ собора наиболѣе авторитетнаго,—и это все предполагается тогда, когда традиція Апост. собора должна была быть усвоена изначала, если не чрезъ рецепцію Писанія, то хотя бы по Преданію. Не говоримъ уже о томъ, что при такомъ выводѣ возникновеніе раннѣйшихъ (послѣ апостоловъ) соборовъ невольнo должно представляться фактомъ motu proprio церкви II в.—безъ какого либо принципиальнаго обоснованія его формальной стороны, хотя соборъ и „жизненный нервъ“ древней церкви.

Ислѣдованіе непосредственно о самомъ Апост. соборѣ начинается собственно со II главы въ обзорѣваемомъ трактатѣ. Глава эта, какъ уже сказано, чисто историческая и посвящена сообщенію объ источникахъ собора и его хронологіи. Удѣляя такому сообщенію особую главу, авторъ между тѣмъ въ ней же говоритъ, что эта хронологія для него прикладной и побочный вопросъ (стр. 30), и затѣмъ: „коль скоро фактъ Апостольскаго собора принимается, то... хронологическія детали для насъ почти вовсе безразличны“ (ibid).—Сказавъ такъ, онъ нѣсколькими строками ниже начинаетъ заниматься детальною сводкою готовыхъ мнѣній по той же хронологіи (см. стр. 29—30; 32).—Такъ какъ дѣйствительность факта Апост. собора иногда въ наукѣ подвергается сомнѣнію, то авторъ по поводу этого въ настоящей главѣ, между прочимъ, говоритъ: „Для насъ важенъ и необходимъ лишь фактъ позднѣйшей церковной рецепціи Апост. собора, насколько именно онъ легъ въ основу церковно-соборной традиціи и послужилъ однимъ изъ вліятельныхъ факторовъ самой конструкціи соборовъ“... (см. стр. 26).—Мы въ виду

этого должны сказать: въ книгѣ нашего автора—съ ясно-стью и отчетливостью и тѣмъ болѣе въ специальномъ раз-сужденіи рѣчи объ этомъ вліяніи мы нигдѣ не находимъ.

Историческая же и побочная и слѣдующая затѣмъ глава— „О поводѣ собора и его предметъ“ (ср. Введеніе, стр. XVIII).

Авторъ говоритъ здѣсь, что „ближайшимъ поводомъ Апост. собора послужило прибытіе депутаціи отъ Антиохійской церкви“ (стр. 33). Мы напомнимъ, что выше (стр. 3) онъ же называетъ тотъ же соборъ „состоявшимся при участіи деле-гатовъ отъ церкви Антиохійской“. Въ историко-канониче-скомъ изслѣдованіи усматриваемаго теперь смѣшенія терми-новъ не должно бы быть. Если это были „делегаты“, зна-чить они были призванными на соборъ въ Іерусалимъ уже ранѣе объявленный. Если же это только была депутація, да еще для ап. Павла съ цѣлью „повидаться и побесѣдовать съ старѣйшими апостолами“ и пр. (стр. 34), то отпадаютъ данныя заключать, что ея члены, хотя вообще то они яви-лись за разрѣшеніемъ общаго вопроса о значеніи для хри-стіанъ обрядоваго закона,—были членами собора. То же, впрочемъ, должно вытекать и изъ того представленія автора, что Апост. соборъ былъ составленъ только уже послѣ того, какъ благосклонный пріемъ антиохійцевъ послу-жилъ поводомъ къ сильному волненію (стр. 34, то же и по книгѣ Дѣяній).

Указывая такой внѣшній толчекъ къ составленію собора, А. П. Покровскій, въ виду бывшаго ап. Павлу особаго „откровенія духа“ для отправления въ Іерусалимъ, добавля-етъ еще и внутренней мотивъ, говоря: „апостолы, м. б., тоже по внушенію Св. Духа и рѣшили устроить Іерусалим-скій соборъ“ (ibid.). Въ концѣ главы, въ параллель этому, онъ уже говоритъ: „Апостолы рѣшили устроить... соборъ, получивъ на это по примѣру ап. Павла (Галат. II, 2), вѣро-ятно и особое откровеніе Духа“, что... можно видѣть и въ заключительномъ постановленіи собора („Изволися Духу Святому...“) (стр. 52).—Но это послѣднее относится именно къ постановленію, совершенно не касаясь устройства собора. А затѣмъ гадательныя выраженія объ откровеніи Св. Духа для составленія собора, особенно въ примѣненіи къ апо-стольской эпохѣ, не должны бы имѣть мѣста.

Причастность къ возбужденію собора антиохійцевъ даетъ